

Ю.И. Ахенвальд

Силуэты русских писателей

Выпуск 1-2

УДК 93
ББК 63.3
Ю11

Ю11 **Ю.И. Ахенвальд**
Силуэты русских писателей: Выпуск 1-2 / Ю.И. Ахенвальд – М.: Книга по Требованию, 2021. – 436 с.

ISBN 978-5-517-98300-8

ISBN 978-5-517-98300-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стр.</i>
Батюшковъ	6
Крыловъ	11
Грибоѣдовъ	20
Рылѣевъ	27
Пушкинъ	50
Гоголь	72
Лермонтовъ	90
Баратынскій	107
Тютчевъ	120
Сергѣй Аксаковъ	131
Огаревъ	136
Гончаровъ	152
Плещеевъ и Помяловскій (сравнительная характеристика)	166
Глѣбъ Успенскій	189
Гаршинъ	203
Короленко	215
Чеховъ	

Авторъ просить въ первомъ выпускѣ настоящей книги исправить слѣдующія погрѣшности:

На стр. 26 между 19-ой и 20-ой строками сверху пропущенъ стихъ:

Возстановилъ для поклоненья.

На стр. 118, строка 9-ая св. напечатано *политической*—надо читать:
поэтической.

Батюшковъ.

Для русской литературы Батюшковъ умеръ почти на тридцать пять лѣтъ раньше своей физической смерти: въ 1821 году онъ сталъ обнаруживать признаки душевнаго недуга, который все возрасталъ и, наконецъ, перешелъ въ беспросвѣтное безуміе. «Послѣдній лучъ таланта предъ кончиной», къ намъ дошло его стихотвореніе, записанное подъ диктовку въ этомъ роковомъ году:

Ты помнишь, что изрекъ,
Прощаясь съ жизнію, сѣдой Мельхиседекъ?
Рабомъ родился человѣкъ,
Рабомъ въ могилу ляжетъ,
И смерть ему едва ли скажетъ,
Зачѣмъ онъ шелъ долиной чудной слезъ,
Страдалъ, рыдалъ, терпѣлъ, исчезъ.

Такимъ аккордомъ глубокой безнадежности отзвучала поэзія, въ которой преобладали совсѣмъ другіе мотивы. Какъ пзвѣстно, въ нашей литературѣ Батюшковъ является пѣвцомъ сладострастія, и даже слово это было для него излюблено. Онъ радовался молодости и страсти, любилъ вдыхать въ себя отъ каштановыхъ волосъ тонкій запахъ свѣжихъ розъ и безустанно пѣлъ о томъ, какъ сладко вѣнокъ на волосахъ каштановыхъ пзмять и поясъ невзначай у дѣвы развязать. Его чаровали тихія, медленныя и страстныя тѣлодвиженія въ силственномъ хороводѣ поющихъ женъ. Онъ славилъ и роскошь золотую, которая обильною рукой подноситъ вппы и портеръ выписной, и сочныя апельсины, и съ трюфлями пироги. У него, правда, часто слышится также восхваленіе чистой дружбы, идиллическій призывъ къ бѣднымъ пенатамъ, къ отрадѣ смиреннаго уголка,—но его идиллія своеобразна тѣмъ, что она не скромна и тиха, что ея наслажденія тоже страстны и пьяны, что въ этотъ шалашъ простой придеть не только другъ, но и Лплета, и пѣвецъ

«на ложѣ сладострастья» будетъ пить ея пламенное дыханіе, какъ розъ благоуханье, какъ нектаръ на пирахъ. Последнее мгновеніе жизни онъ эпикурейски представлялъ себѣ какъ последнее объятіе женщины; и богъ любви по дорогѣ, усѣянной цвѣтами, поведетъ любовниковъ въ Элизій, гдѣ они подъ сѣнью мирта воскреснутъ съ новымъ пламенемъ въ крови и

Гдѣ, любуясь пляской грацій,
Нимфъ, слетенныхъ въ хороводъ,
Съ Деліей своей Горацій
Гимны радости поетъ.

Тяготѣя къ жизни, къ ея радости, къ ея цвѣтамъ, онъ хотѣлъ бы забыть всѣ ея суровые и строгіе тоны:

Ужели въ истинахъ печальныхъ
Угрюмыхъ стонковъ и скучныхъ мудрецовъ,
Сидящихъ въ платьяхъ погребальныхъ
Между обломковъ и гробовъ,
Найдемъ мы жизни нашей сладость?
Отъ нихъ, я вижу, радость
Летитъ, какъ бабочка отъ терновыхъ кустовъ.
Для нихъ нѣтъ прелести и въ прелестяхъ природы,
Имъ дѣвы не поютъ, сплетаясь въ хороводы;
Для нихъ, какъ для слѣпцовъ,
Весна безъ радости, и лѣто безъ цвѣтовъ.

Но эта языческая стихія была въ душѣ у Батюшкова не единственной и не полновластной. Она боролась со стихіей христіанской, и онъ не сумѣлъ и не хотѣлъ до конца остаться рабсодомъ земныхъ пировъ и любовной пѣгн. Онъ не былъ послѣдователемъ, и на страницахъ его небольшой поэтической книжки, несмотря на всѣ эти гимны упоенной вакханкѣ, можно замѣтить, что ему было совѣстно своего «эвоз!». Онъ со страхомъ вопрошалъ гласъ совѣсти своей и послѣ чувственной услады, хмеля и безпокойства мечталъ о томъ, чтобы увидѣть спокойный берегъ, страну желанную отчизны, о томъ, чтобы земную ризу бросить въ прахъ и обновить существованіе. Да и то горестное, что онъ лично видѣлъ въ жизни, «въ Москвѣ опустошенной», эти блѣдныя матерн, эти нищіе, эти груды тѣлъ и груды сожженныхъ развалинъ,—все это мѣшало ему беззавѣтно и безраздѣльно отдаваться бурной и ликующей пѣснѣ.

Эта пѣснь замолкала и потому, что вообще съ жизнерадостной окрыленностью духа знаменательно сочеталась у Батюшкова его не-

пзмѣнная спутница, временами только отходившая въ тѣнь,—пскреп-
ная печаль. Его странникъ счастья не находятъ подъ небомъ сча-
стливимъ Эллады; когда любовникъ умеръ, Делія не посѣтила пе-
чальный памятникъ его, и вообще

Мы лавръ находимъ тамъ
Иль кипарисъ печали,
Гдѣ счастья розъ искали,
Цвѣтущихъ не для насъ.

Лучшія изъ его стихотвореній—элегія, и онъ сосредоточился даже
на особомъ видѣ лиризма—элегія исторической. Не только совре-
менное, но и прошлое возбуждало его грусть. Исторія печалила его.
Длительное разрушеніе, она представляетъ собою рупны, ибо
въ самомъ существѣ человѣческихъ созданий кроется уже разо-
ршеніе, — и вотъ пѣвецъ стоитъ на развалинахъ замка въ Швеціи,
гдѣ нѣкогда чаши радости стучали по столамъ. Все пзмѣнчиво. Рейнъ
спокойно катится теперь въ родныхъ нѣмецкихъ берегахъ, но давно
ли владѣли имъ враги,

Давно ль они кичася пили
Вино изъ синихъ хрусталей?

Батюшковъ восторженно призывалъ къ наслажденію, хотя бы и
шаловливому, но часто вспоминалъ онъ и о минутности и брен-
ности всего человѣческаго: мимолетная природа утѣхи наводила его
мысль на то, что неминуемо исчезаетъ и все другое, и все великое.
Это наблюденіе, столь не новое, вполне сохранило для него свою
меланхолическую силу. И онъ называлъ человѣка минутнымъ, онъ
называлъ людей странниками минуты, которые ходятъ по гробамъ,
и когда онъ дарилъ юной дѣвушкѣ цвѣты, — это онъ дарилъ ей
«горсть какъ ты минутныхъ розъ». На судьбѣ Торквато Тассо, ко-
торый Батюшкова, какъ и другихъ художниковъ, привлекалъ тра-
гической обидой своей запоздавшей славы, онъ учился тому, что
время покоряетъ себѣ не только розы, но и лавры.

Между сладострастьемъ и печалью онъ не признавалъ ничего
средняго: либо жизнь подавлена, либо она протекаетъ на высотѣ
своей напряженности. Онъ умиралъ, но

Вздохи страстные и сила милыхъ словъ
Его изъ области печали,
Отъ Орковыхъ полей, отъ Леты береговъ
Для сладострастія призывали.

Если бы самой дѣйствительности не достало внутренней мощи
для того, чтобы она загорѣлась огненной яркостью впечатлѣній, то

ея скудныя и робкія черты надо было бы восполнить неотъемлемымъ достояніемъ поэта — мечтой, ибо всякій художникъ въ томъ отношеніи подобенъ Гомеру, что онъ — «слѣпецъ всевидящій» и своєю грезой можетъ возмѣщать непосредственное воспріятіе. «Мечтаніе—душа поэтовъ и стиховъ». И въ самомъ дѣлѣ, Батюшковъ роскошно мечталъ, и будущее показывало ему плѣнительныя картины:

Ты будешь поражать тамъ скачущихъ еленей
И златорогихъ сернь.

Но и реальное существованіе его было разнообразно, блистательно, сверкало при страшномъ заревѣ Беллониныхъ огней; онъ видѣлъ чужія прекрасныя страши, на Гейльсбергскихъ поляхъ, на поляхъ брани, онъ слышалъ, какъ громы съ высоты гремѣли «мѣдной челюстью», и вообще его жизнь въ ея поэтическомъ отголоскѣ была «чудесный пиръ для слуха и очей», богатый красками и звуками, страстью и трепетомъ.

Ими онъ не поступался и тогда, когда христіанская стихія побѣждала въ немъ языческую; и въ этомъ, на нашъ взглядъ, заключается его оригинальное значеніе въ русской поэзіи. Отъ наслажденія перешелъ онъ къ совѣсти, но и тогда онъ остался поэтомъ паооса. Совѣсть какъ страсть, —таковъ былъ его идеаль. Христіанское не обрекаетъ на жизнь блѣдную и унылую, не зоветъ къ пугливости ослабленныхъ переживаній. Батюшковъ не можетъ примириться съ тѣмъ, чтобы душа его, усталая отъ суесть, потеряла любовь къ искусству, веселость ясную первоначальныхъ лѣтъ, — онъ молить музъ, чтобы онѣ отдали свѣжесть вянущимъ безперестанно чувствамъ. Добро не есть смиреніе и тишина; оно дѣйственно и страстно: добро, это — «души прямое сладострастіе», совѣсть, это — «души великихъ сладострастье». Оно, излюбленное, дышало въ сферѣ языческой, въ антологіи, у Тибулла и Горация, — оно же встрѣчаетъ насъ и въ сердцѣ христіанина; жизнь не перестала быть патетической.

Пѣвецъ этой жизни, поэтъ нѣсколькихъ стихотвореній, сознававшій предѣлы своего дарованія, Батюшковъ своей печалью отдалъ дань русскому духу; въ южныхъ странахъ онъ свѣтпла сѣвера любезнаго пскаль, стремился къ выюгамъ и непогодѣ и тамъ, гдѣ плещетъ Рона, посылалъ свой привѣтъ созвучному Дону, — но въ общемъ его поэзія, въ самыхъ звукахъ которой гениальный слухъ Пушкина чуялъ нѣчто итальянское, была далека отъ пагѣвовъ родныхъ.

Въ исторіи русской словесности ее цѣнять главнымъ образомъ потому, что именно Пушкинъ воспринялъ и развилъ ея полнозвучный

и сладостный стихъ. Батюшковъ вообще затмился и растворился въ Пушкинѣ, такъ что, въ извѣстномъ смыслѣ, онъ теперь больше не нуженъ. Но онъ достоинъ своего великаго наслѣдника, потому что тревоги своей души, ея сладострастіе и въ радости, и въ совѣсти, онъ облакалъ въ стихи удивительной красоты. Въ нихъ, правда, много риторки, архаизма, мнѳологій, и самая чувственность окрашена литературой, но все это лишь придаетъ имъ своеобразный колоритъ, и тамъ, гдѣ они по существу не могутъ быть граціозны, (каковы они въ «Вакханкѣ» или въ «Отрывкѣ изъ элегіи»),— тамъ они напоминаютъ собою какія-то великолѣпныя, тяжелыя складки драгоцѣнныхъ тканей—благородную роскошь античнаго міра.

Крыловъ.

Большинство произведений Крылова имѣютъ одинъ лишь историческій интересъ; самая личность писателя тоже привлекаетъ къ себѣ не сочувственные, а только внимательные и удивленные взоры, и грузная масса равнодушія, которую представлялъ собою лѣнивый и сонный старикъ, никогда не будетъ обвѣяна въ потомствѣ дыханіемъ любви. Но басни его, басни, эта была, одинаково затверженная дѣдами и внуками, расцвѣтившая собою нашъ обыденный разговоръ,—вотъ что сдѣлалось любимымъ достояніемъ русскаго общества. Онѣ проникнуты особой, незабываемой выразительностью, и ея, съ виѣшной стороны, достигаетъ авторъ самыми простыми средствами —какой-нибудь неожиданной римой, переходомъ отъ многосложной строки къ двухсложной или тѣмъ, что центръ логической и нравственной мысли онѣ заключаетъ въ одно слово или въ одинъ стихъ, короткій, но глубокій («другъ этотъ былъ лпса», «то были два осла»). Иногда онѣ мимоходомъ, даже безъ отношенія къ главному сюжету, набрасываетъ цѣлую бытовую картинку,—напримѣръ, въ баснѣ «Муха и дорожные»:

Гуторя слуги вздоръ плетутся вслѣдъ шажкомъ;
Учитель съ барышней шушукуютъ тишкомъ;
Самъ баринъ, позабывъ, какъ онъ къ порядку нуженъ,
Ушелъ съ служанкой въ боръ искать грибовъ на ужинъ.

И какое счастье, что его басни облечены именно въ эту живую форму! Что если бы ихъ мораль, старинная и почтенная, звучала безъ проин, безъ улыбки,—тяжелая, какъ фигура самого Крылова? Но нѣтъ, въ проказливой мѣткости своего стильнаго языка, въ лукавой оболочкѣ своей фабулы и характеристикки онѣ игривы и задорны, и онѣ живутъ—пскристыя, свѣжія, звонкія—какъ живетъ сама жизнь, сама житейская мудрость.

Но житейская мудрость не есть самое высокое и цѣнное въ мірѣ. То, что проникнуто ею, стелется по землѣ и не служитъ идеальнымъ запросамъ духа. Крыловъ разлилъ по своимъ произведеніямъ большой и богатый жизненный опытъ, и если послушаться его басенъ, принять ихъ мораль, то можно хорошо приспособить себя къ дѣйствительности. Не этому учатъ великіе учителя. И этому учить вообще не приходится, такъ какъ на приспособленіе къ жизни сами собою, безъ чужого поощренія, направляются заботы каждаго. Отсюда басня по неволѣ мелка.

Да и потому, что она толкуетъ о животныхъ, о растеніяхъ, о вещахъ, она не можетъ вмѣстить въ себя человѣческой многосторонности и тонкости. Есть, конечно, наивная красота въ самомъ замыслѣ упростить сложность людскихъ отношеній, свести ее къ элементарнымъ линіямъ басни и воскресить полузабытое исконное родство человѣка и животныхъ, для того чтобы, въ рядѣ примѣровъ и притчъ, разобрать на отдѣльныя нити всю психологическую ткань жизни. Но этой цѣли достигнуть нельзя, потому что даже и для такого художника, какимъ былъ Крыловъ, міръ людей и міръ животныхъ остаются несовмѣстимы. Широкіе и крупные штрихи, которые примѣняетъ басня, не соотвѣтствуютъ разнообразной игрѣ человѣческой фізіономіи и души въ ея наиболѣе интересныхъ и глубокихъ переживаніяхъ. Басня скользитъ по поверхности. Баснописецъ не возвышается надъ другими; то, что онъ почерпаетъ изъ окружающаго, вполне обыкновенно, и его устами говоритъ средній человѣкъ. Въ этомъ его характерный признакъ, даже, если хотите, его сила и власть надъ умами, надъ средними умами.

Гоголь въ заслугу вмѣняетъ Крылову то, что онъ обладалъ «умомъ выводовъ» и былъ сродни пословицѣ, которая «не есть какое-нибудь впередъ поданное мнѣніе или предположеніе о дѣлѣ, но уже подведенный итогъ дѣлу, отсѣдь, отстой уже перебродившихъ и кончившихся событій». Между тѣмъ какъ разъ это и не составляетъ заслуги, какъ разъ въ этомъ и есть малость Крылова. Живая пословица русской литературы, онъ не имѣетъ никакого аргюмента. Не свои требованія, идеалы и запросы противопоставилъ онъ жизни, а себя приладилъ къ ней, пошелъ не мудрствуя по ея стопамъ и въ результатѣ явился передъ нами какъ ея внимательный и послушный выученикъ. Онъ говоритъ исключительно о томъ, что бесспорно, но крайней мѣрѣ—въ житейскомъ смыслѣ. Но бесспорна и пошлость, бесспорно все слишкомъ общее, не индивидуализованное, все чуждое оттѣнковъ. Поэтому и сюжетъ всякой басни имѣетъ характеръ общедоступный. Бродячій, онъ принадлежитъ всѣмъ; знаменательно, что на басню не существуетъ права собственности.

Крыловъ не видитъ въ жизни ничего сложнаго; она рисуется ему въ общихъ и немногихъ очертанiяхъ, и для него жизненные ларчики открываются просто, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ здѣсь бывають пменно загадочныя и запутанныя сплетенiя. Если жизнь проста и не нужны для нея мудрецы механики, то среднiй человекъ, а вслѣдъ за нимъ и баснописецъ, его патронъ, его пѣвецъ, не можетъ не относиться къ наукѣ и философи съ большою долей педовѣрiя. Онѣ представляются ему въ свѣтѣ педантическомъ и смѣшномъ. Здравый смыслъ—самый надежный руководитель, высшiй трибуналъ, который удовлетворяетъ всѣ потребности бытiя. Слѣдуйте ему, какъ это дѣлалъ огородникъ,—и вамъ будетъ хорошо и выгодно; философъ же останется безъ огурцовъ,—а хуже такого жребiя ничего не можетъ и вообразить себѣ поклонникъ здравой разсудительности. Онъ признаетъ умѣренную пользу и скромную цѣну просвѣщенiя; однако пучина знанiй для него страшна, и дерзкiй умъ отважнаго водолаза находитъ себѣ погибельный, но поучительный конецъ. Уже съ юныхъ дней надо слѣдить за тѣмъ, чтобы не напиться учеьемъ вреднымъ. Червонецъ души теряетъ свой блескъ и цѣнность отъ чрезмѣрной культуры; о пѣкоторыхъ приходится даже такъ сказать: «они же грамотѣ, къ несчастью, знали». Несчастье знанiя распатываетъ привычныя устои жизни. Мысль, предоставленная самой себѣ, способна зажечь пожаръ, въ которомъ погибнуть и ея зачинатель, и его послѣдователи. Поэтому не снимайте узды съ ретиваго коня; упоенный свободой, онъ сброситъ сѣдока и убьется самъ,—«какъ ни примагива свобода, но для народа не меньше гибельна она, когда разумная ей мѣра не дана». Вотъ почему сочинитель, это — супостатъ, худшiй разбойникъ; онъ вселяетъ безвѣрiе, отравляетъ умъ и сердце дѣтей и, что для обывателя особенно страшно, осмѣиваетъ супружество, начальства, власти. Онъ величаетъ безвѣрье просвѣщенiемъ, и если теперь цѣлая страна полна убiйствами и грабежами, раздорами и мятежами, то этому виною не кто другой, какъ пменно сочинитель. Вольтеру въ аду придется горше, чѣмъ разбойнику.

Всякiй порывъ, всякое стремленiе и сомнѣнiе, всякое странствiе духа противны умѣренному и спокойному человеку, осѣдлому жителю жизни. Не стремитесь «повѣрить быль съ молвой», не спѣшите въ даль, вспомните судьбу бѣднаго голубка, который покинулъ родную землю и родного брата,—живите дома. И дома будьте домовиты, хозяйственны, заботливы, не отдавайтесь легкомысленно пѣснямъ: иначе васъ осмѣетъ и покараетъ жестокая добродѣтель муравья.